

Выступление оппонента-рецензента

Недостаток политической ответственности

Б.В. Межуев,
кандидат философских наук

Мне, конечно, очень сложно выступать после такой яркой презентации. И я не могу претендовать на серьезный содоклад. Сразу обозначаю формат своего выступления: в процессе даже не столько чтения, сколько прослушивания доклада Геннадия Георгиевича, у меня возникло желание выступить «адвокатом дьявола». Под «дьяволом» я в данном случае понимаю тех людей, с политической позицией которых я абсолютно не согласен, а административная деятельность которых у меня вызывает исключительно негативные оценки. Однако их доводы, их позиция, мне кажется, нисколько не пострамлены очень симпатичным мне пафосом докладчика.

Я имею в виду наших самых отъявленных экономических либералов. Не далее как недели четыре назад в качестве сотрудника «Русского журнала» мне пришлось пообщаться с Егором Гайдаром, упомянутым в докладе и представленным в нем основным виновником всех наших несчастьев. Гайдар говорил, что ни в коем случае нельзя отменять НДС, поскольку в результате такой отмены государство лишится важнейшего источника пополнения бюджета. Между тем, Гайдар одобительно отозвался о нашем министре финансов, который, как он считает, очень правильно делает, что вкладывает деньги туда, куда он их вкладывает. И эта позиция Гайдара тоже хорошо известна. И столь же известны его сожаления по поводу того, что мы сидим на сырьевой игле.

При встрече я задал бывшему премьеру с вопрос: «А каким образом государству развиваться в этой ситуации, если все деньги держать в американских ценных бумагах, не давая ни поблажек частному бизнесу в виде отмены НДС, ни прибегая к масштабным государственным инвестициям?». Гайдар на это сказал следующее: «Для того чтобы развиваться, нужно другое государство». Государство, в котором нет коррупции, зато есть честные и независимые суды, свободная пресса и т. д. У меня возник вопрос о степени политической ответственности человека, сотрудничающего с властью и при этом считающего эту власть помехой развитию. Но сейчас мне хочется этот вопрос о качестве государства переадресовать докладчику.

Когда я знакомился с докладом, я обнаружил в нем несколько противоречий. Одно просто бросается в глаза. Все те меры и преобразования, на которых настаивает уважаемый докладчик, требуют огромного участия государства. Усилиями частного бизнеса или исключительно либеральными преобразованиями страну от всех ее болезней не вылечишь. При этом государство описывается как крайне деструктивное — откаты (до 120%), коррупция, тотальное воровство и т. п. Возникает совершенно очевидный вопрос: как при таком государстве, при таком уровне коррумпированности, при таком уровне лжи, которая проела всю государственную инфраструктуру, можно надеяться на то, что государственная активность принесет какие-то позитивные плоды? При этом те реальные усилия, которые предпринимались самим государством, в том числе при создании семи госкорпораций, они и так уже воспринимаются в обществе, и в том числе самим уважаемым докладчиком, едва ли не исключительно как средство перераспределения бюджетных средств.

Соответственно, возникает проблема, которую невозможно обойти,— это проблема политическая. Это вопрос не о политических симпатиях и антипатиях, а о том, как, исходя из нынешней политической системы, — а она есть такова, ка-

кова она есть, другой не будет, — которая возникла не случайно, которая не отомрет просто так, найти какие-то механизмы, способствующие увеличению степени, условно говоря, политической ответственности. Если говорить о бедствиях России, то главное бедствие заключается в том, что мы живем при политической системе, в которой никакая сила ни за какую политику не несет никакой ответственности. У нас в одном политическом поле существует Партия, в другом поле существует Правительство, от этой Партии не зависящее, а в третьем поле существует Президент, не оказывающий реального влияния ни на Партию, ни на Правительство, но имеющий вокруг себя соперничающие группы советников.

Не ставя этого вопроса, не рассматривая проблему, условно говоря, как в этой конкретной системе нащупать какие-то механизмы, которые позволят хоть каким-то политическим деятелям, и даже госкорпорациям, которые являются в какой-то степени зависимыми от правительственных решений, обнаружить хотя бы зачаток политической ответственности, — невозможно приступить к обсуждению ни одного значимого государственно-мобилизационного проекта. Обсуждению таких вопросов следует предпослать рассмотрение проблемы качества Российского государства.

Второй момент, уже более содержательный. У меня возник определенный когнитивный резонанс. С одной стороны, докладчик говорил о том, что все тренды, которые он описал, все сугубо негативные, все тенденции сугубо отрицательные, весь научный аппарат работает на какие-то отрицательные выводы о будущем страны. При этом одновременно говорится о необходимости управления через будущее и поиске желаемого образа будущего. Полное ощущение, что если наука и может предложить какой-то образ будущего, то это либо образ смерти, либо агонии. В докладе говорится о том, что Россия в ближайшее время перестанет быть русской, о том, что существует постоянная угроза территориального распада и т. д. Если мы посмотрим на подобную литературу на За-

паде, то она столь же алармистская, как и у нас. Желаемый образ будущего пропал не только у нас в связи с поражением коммунизма, но также пропал и на Западе. Существует точка зрения, что в ближайшее время произойдет резкое снижение спроса на высокоинтеллектуальные проекты и наукоемкое производство именно в связи с экономическим кризисом. Что увеличится? Увеличится стоимость и цена на энергоносители и цена на сельское хозяйство, поскольку это именно те вещи, которые в первую очередь нужны людям. И вот именно эти простые, но, безусловно, необходимые вещи и будут определять будущее мира.

И этот образ будущего явно противоречит тому методу опоры на будущее, на котором настаивает докладчик и который рисовали оптимистические футурологи в течение 60-х и, отчасти, 70-х гг. XX столетия. Господствующий образ будущего — это **торжество примитивной ресурсной основы общества над всей постиндустриальной его настройкой**. И в этой ситуации очень неплохо будут выглядеть США, которые при определенном уровне капиталовложений вполне могут освоить разработку на своей территории сырьевых месторождений, а сельское хозяйство у них и так уже лучшее в мире. Так что не очень ясно, на какое будущее надеется Г.Г. Малинецкий.

В докладе часто говорилось о необходимости национальной идеи, идеологии и т. д. Что такое идеология? Это поле игры между элитой и обществом, между властью и обществом. Посредством идеологии власть пытается получить от общества то, что она хочет, а, с другой стороны, идеология — это нечто, связывающее саму власть и систему некоторых обязательств власти перед обществом. Всякая радикальная смена идеологии — это конец какой-то игры. Собственно, это мы видели в 1991 г., когда элита не захотела играть с обществом ни в какую игру. У меня существует серьезное опасение, что всяческое педалирование идеологического фактора, требование новых идей, новых ценностей и новых идеологий, которые

сейчас в ситуации межвременья явно будут возникать, к сожалению, будут играть ту же самую роль, выполнять ту же самую задачу. Та игра, которая худо-бедно велась между властью и обществом в предшествующие годы, будет отменена, причем не в интересах общества, а в интересах той власти, которая захочет освободиться от обязательств перед этим обществом, от обязательств, связанных с той идеологией, которую сама власть в определенный момент выдумала и с которой связывала собственную легитимность.

Реплика (А.И. Неклесса):

Большое спасибо, Борис Вадимович. Вы как раз заполнили, отчасти, образовавшуюся лакуну с прогнозом, остановившись на этой теме.